

Г. А. ТЕРНОВАЯ

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КУЛЬТОВЫХ КОМПЛЕКСОВ В ТАЛАССКОЙ ДОЛИНЕ IV–V ВВ. (по результатам археологических работ М. С. Мерциева)¹

В 1963–1968 гг. в районе среднего течения р. Талас и северных предгорьев Кыргызского хребта под руководством М. С. Мерциева проводились раскопки двух объектов – Чоль-тобе и Кызыл-Кайнар-тобе. Оригинальность планировки архитектурных комплексов, наличие «несколько необычного, вероятно, храмового назначения крестообразного сооружения» в виде четырехлепестковой розетки, по мнению автора, «усложняло решение ряда вопросов». Комплекс, окружавший центральную постройку, определен как «жилой». Поселения датированы I–IV вв. н. э.² В качестве аналогий были упомянуты похожие сооружения в Фергане, которые исследователи так же определили как храмы³, была попытка связать сооружение с «буддийской ступой»⁴. Р. Х. Сулейманов, исследовав в 1972–1975 гг. бугор Сеталак-1, высказал предположение, что этот памятник на втором этапе существования представлял собой «архитектуру хионитского времени в бухарском Согде», где «возобладала традиционно сакская идея центрического культового монумента крестообразного плана». По мнению Р. Х. Сулейманова, Сеталак-1 и синхронные ему памятники Чоль-тобе и Кызыл-Кайнар-тобе в Семиречье, Актепа Чилиназарское в Ташкенте, четырех, а затем восьмилепестковое в плане сооружение близ Керкидонского водохранилища в Ферганской долине связаны с периодическими поминаль-

ными ритуалами культа предков – все они имели следы возжигания огня и незороастрийский характер культа огня не подлежит сомнению⁵. С точки зрения других исследователей, несмотря на то, что отмечена большая роль огня, его почитание, «определить культовую принадлежность святилища Сеталак вряд ли возможно»⁶. На протяжении многих лет памятники привлекали внимание специалистов, но, к сожалению, многие вопросы до настоящего времени остались нерешенными.

1. Результаты работ М. С. Мерциева.

1а. Чоль-тобе. Памятник Чоль-тобе расположен в 45 км восточнее города Тараз, в предгорьях Кыргызского хребта, у южной границы песков Муюн-Кум, в излучине ныне сухих саев. До проведения работ это был пологий, округлый в плане бугор размером 80x100 м, высотой в центральной части до 3 м.

Вскрытый комплекс представлял собой в плане почти квадрат 40x40 м, ориентированный углами по сторонам света (**рис. 1.1**) По периметру располагались по три узких помещения типа коридоров шириной 1,9–2,2 м, длиной от 6,5 до 14,5 м. Некоторые помещения были разделены простенками на две комнаты. Продольные стены внутри помещений кверху отклонялись на внешнюю сторону. Стены возводились из сырцовых кирпичей (46-52x24-25x8-9 см) с паховым блоком в

¹ Деп. в АО «НЦ НТИ». 05.09.08, № 9107-Ка08.

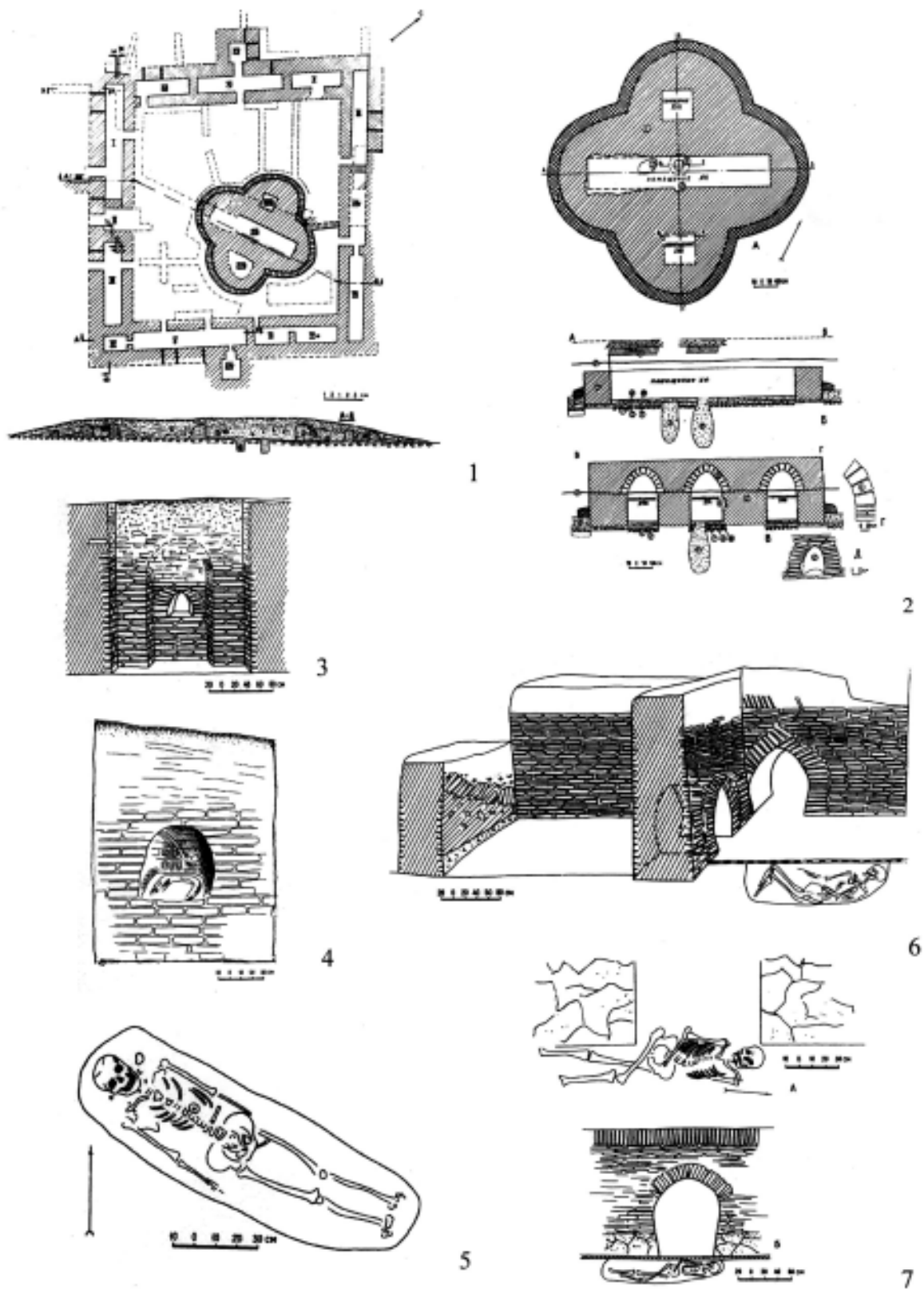
² Максимова А.Г., Мерциев М.С. Восточная округа Тараза в I тыс. н. э. Архив ИА МОН РК. Инв. № 1183; Мерциев М.С. Поселение Чоль-тобе в северных предгорьях Кыргызского Алатау // Вестник АН КазССР. 1966. № 12. С. 69–73; Мерциев М.С. Поселение Кызыл-Кайнар-тобе I–IV веков и захоронение на нем воина IV–V века // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970. С. 79–92.

³ Максимова А.Г., Мерциев М.С. Восточная округа Тараза ... С. 141; Горбунова Н.Г. Работы Ферганской экспедиции в 1964–1966 гг. // Тезисы докладов на научной сессии, посвященной итогам работ Государственного Эрмитажа за 1966 г. Л., 1966. С. 15 и сл.; Горбунова Н.Г., Оболдуева Т.Г. Работы в зоне строительства Ферганского канала // Археологические открытия в 1967 году. М., 1968. С. 339.

⁴ Горбунова Н.Г. В Древней Фергане. Ташкент, 1972. С. 18–19.

⁵ Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб. Проблемы цивилизации Узбекистана VII в. до н. э. – VII в. н. э. Самарканд – Ташкент, 2000. С. 258, 259.

⁶ Распопова В.И., Шишкина Г.В. Согд // Археология. Средняя Азия в раннем средневековье. М., 1999. С. 61.

Рис. 1. Чоль-тобе (по М. С. Мерциеву, чертежи – П. В. Агапов). 1 – план архитектурного комплекса, разрез по линии А-Д; 2 – план и разрезы крестообразного сооружения по линии А-Б и В-Г; 3 – проем в смежной стене помещений V и XIV; 4 – ниша во внешней стене помещения VIII; 5 – женское погребение за южной стеной помещения XVI; 6 – мужское погребение под полом в помещении VIII; 7 – мужское погребение под полом в помещении III

основании. Сохранившиеся части стен достигали в высоту до 2-2,2 м. Толщина внешних стен – 1,8-1,95 м, внутренних – 1,4 м.

Во внешних стенах большинства помещений на высоте 30-50 см от пола были устроены сквозные отверстия шириной 10-12 см и высотой 32-35 см, расположенные на расстоянии 2–2,75 м. По месту нахождения М. С. Мерщиев определил их как вентиляционно-световые проемы. Все помещения имели коробовые перекрытия, возведенные из сырцовых кирпичей трапециевидной формы размерами 48-52x22(23)-27(28)x8-9 см. Кладка выполнялась наклонными отрезками. Свод предположительно имел стрельчатую форму и был похож на перекрытия дверных проемов. В большей части помещений был один дверной проем, в меньшей – два. Некоторые проемы вели во внутренний двор. В двух помещениях юго-западного комплекса, в одном помещении северо-западного и одном юго-восточного комплексов имелись также дверные проемы во внешних стенах. Одни из них выводили за пределы комплекса, другие вели в небольшие помещения типа башен, которые выступали за внешний контур стен комплекса. Два небольших «башенных» помещения в южном и в северном комплексах были вскрыты полностью, а третье помещение с западной стороны – частично. Все они близки по плану и размерам (2,2-2,3x2,4-2,6 м). Внутри помещений стены поставлены строго вертикально. Вопрос о перекрытии этих помещений выяснить не удалось. В стенах так же были устроены вентиляционно-световые проемы, но они располагались ближе друг к другу, главным образом, в углах.

Дверные проемы, выходящие из коридорообразных помещений наружу и некоторые проемы, ведущие во внутренний двор, имели ширину 1,2 м, высоту 1,5-1,7 м, но большинство проемов во внутренний двор, особенно проемы в смежных стенах помещений напоминали лазы шириной 70-80 см, высотой около 1 м. Промеж между помещениями V и XIV (назначение последнего установить не удалось) был частично заложен и на высоте 65 см от пола устроен сводчатый проемчик шириной 45 см, высотой 50 см (рис. 1.3). Все проемы имели сводчатые перекрытия стрельчатой формы. Центральный вход во внутренний двор комплекса находился в середине юго-западного комплекса. Во двор можно было

попасть также с западной стороны и через южное коридорообразное помещение III, имевшее два дверных проема: во внешней и внутренней стенах – один напротив другого.

На полах большей части помещений были обнаружены глубокие, прокаленные пятна, образовавшиеся в результате длительного разведения костров. В помещении III у стены находился очажок в виде подковообразного возвышения со следами прокала. В стенах комнат V и VII обнаружены очажки-камины. Они имели форму небольших сводчатых нишек (ширина у пода 37 см, глубина 22 см, высота 47 см). В помещении V под очажка находился на уровне пола комнаты. В своде камина было сделано шесть небольших отверстий размером 3-4x7 см, уходящих в стену и проходящих через всю её толщу. В помещении VIII «камин» находился в восточной стене на высоте 50 см от уровня пола (рис. 1.4). Над его подом располагалось возвышение подковообразной формы, куда могли устанавливать сковороду или жаровню. В отвалах помещения VIII найдены кусочки медной руды и шлака.

С точки зрения М.С. Мерщиева, общие принципы планировки коридорообразных помещений всего комплекса, наличие в них пятен от костров, каминов, единообразие находок: глиняной посуды, зернотерок, пестов, терок, свидетельствуют о жилом характере помещений.

Коридорообразные помещения окружали замкнутый двор. Почти в центре, ближе к юго-западному углу двора, располагалось монументальное сооружение в виде четырехлепестковой розетки, возведенное на зольнике толщиной 10–20 см, покрывавшем материк (рис. 1.1,2). Сооружение было сложено из таких же сырцовых кирпичей, как остальные постройки комплекса. Расстояние между точками на вершинах противоположных лепестков составляло 17 м.

В толще кладки находилось длинное помещение XVI (11,7x1,93 м), вытянутое с запада на восток, а за его южной и северной стенами располагались небольшие, почти квадратные в плане помещения XVII и XVIII. Толщина южной стены помещения XVI – 2,8 м, северной – 2,2 м. Они сохранились на высоту около 2 м. Судя по вертикальному положению кирпичей в завале внутри центрального помещения, оно так же было перекрыто коробовым сводом, возведенным из сырцовых кирпичей трапециевидной формы.

В южной стене, примерно на середине её длины, на высоте 1 м от пола находилась небольшая сводчатая ниша с прокаленным подом (ширина у основания 50 см, глубина 30 см и высота 70 см). В полу помещения имелось два прокаленных пятна диаметром около 1 м, глубиной 20 см. В полу помещения XVI были сделаны две ямы глубиной около трех метров. Одна из них цилиндрической формы (диаметр около 1 м), вторая – колбообразной формы, в самой широкой части она достигала 1,5 м. Устье первой ямы начиналось от уровня нижнего пола, устье второй – от уровня верхнего пола, расположенного на 20 см выше первого. Обе ямы были заполнены чистой золой. На полу помещения XVI были найдены части керамической жаровни и сосуды.

Западную часть южного помещения XVII прорезала могила, которая значительно разрушила кладку стен. Судя по положению кирпичей в завале, заполнявшем помещение, оно, вероятно, так же имело сводчатое перекрытие. Стратиграфия в нем аналогична стратиграфии помещения XVI. Северное помещение XVIII значительно лучшей сохранности. Стены в нем сохранились на высоту до двух метров. В заполнении этого помещения не было обнаружено остатков, указывавших на перекрытие, но, по мнению М. С. Мерщикова, оно так же могло иметь сводчатое перекрытие. Вскрытие помещения XVIII, где все стены были сплошными и сохранились на высоту до 2-х м, позволило заключить, что помещения этого сооружения не имели дверных проемов. В них, вероятно, проникали сверху при помощи лестниц.

С внешней стороны крестообразного сооружения была выложена обкладка (чехол) толщиной 65 см, сохранившаяся на высоту 50 см. Она была сделана в то время, когда с внешней стороны сооружения накопился зольник полуметровой толщины. Уровень основания обкладки находился на 55 см выше уровня основания стен крестообразного сооружения.

При вскрытии двора выяснилось, что в период жизни основного архитектурного комплекса двор был выстлан мелким гравием. На площади двора выявлен ряд стен более тонких, чем стены основного комплекса. Во многих пунктах двора, особенно в его юго-западном углу, были обнаружены покаленные пятна, образовавшиеся от длительного горения костров. Во дворе, в зольнике

одного из костров, сохранились остатки тезека. На памятнике отмечены огромные толщи зольников, но в них не было встречено остатков дерева и древесных углей. В культурном слое, заполнявшем двор на разных уровнях, прослежены зеленоватые прослойки органики.

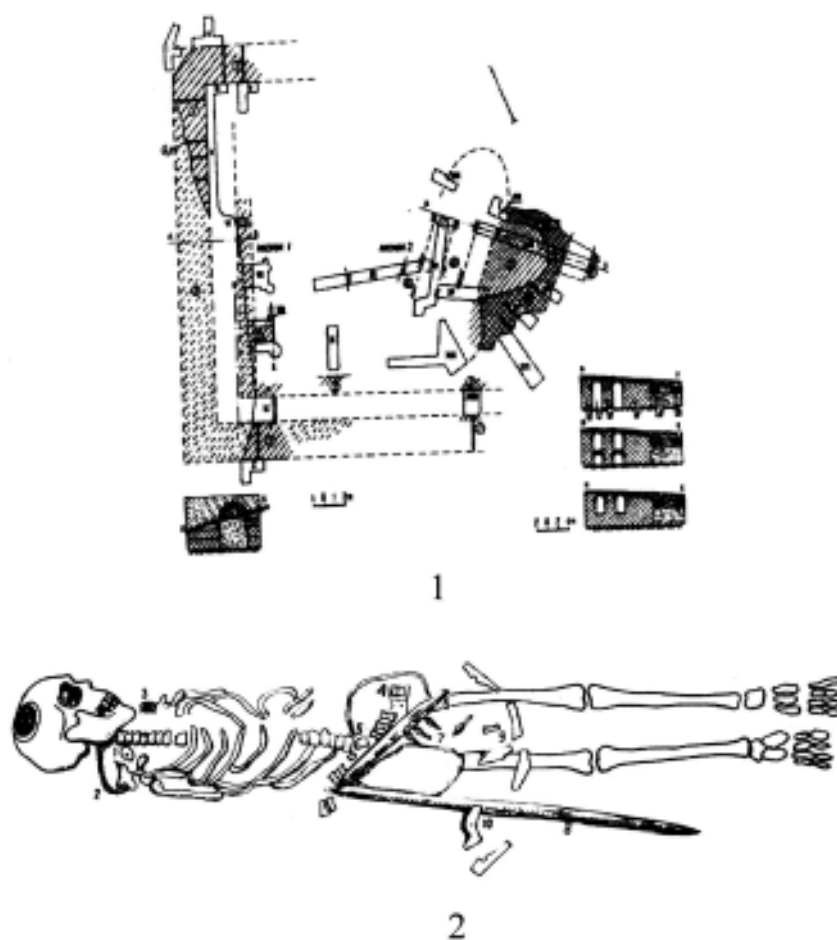
16. Кзыл-Кайнар-тобе (рис. 2.1). Памятник Кзыл-Кайнар-тобе расположен в 25 км восточнее г. Тараз, в 20 км западнее Чоль-тобе, на правом берегу небольшого сая. До проведения работ это был бугор высотой 5,5 м, диаметром около 100 м, состоявший из возвышенной части бугра и примыкающей к ней с юга слабовыраженной заниженной части. На западном склоне отмечен срез, сделанный в 50-х годах при сооружении вблизи памятника небольшого пруда.

Раскопками на Кзыл-Кайнар-тобе было установлено, что его возвышенная часть так же являлась остатками архитектурного комплекса, состоявшего в плане из близкого к квадрату (33x33 м) сооружения. Полностью определена лишь западная стена постройки. Южная стена обследована шурфами на протяжении 25 м. Стена уходила дальше в восточном направлении под не вскрытую толщу слоев. Северная стена прослежена в длину на 5-6 м, но она, так же как и южная, имела продолжение на восток.

По периметру сооружения находились длинные, узкие помещения типа коридоров шириной 2-2,5 м. Стены сложены из паховых блоков. Два блока в нижней части стены имели высоту 80 см, третий блок – 60 см. Толщина внешних стен 3,1-3,15 м, внутренних – 1,3-1,4 м. В некоторых местах стены сохранились на высоту до трех метров. Они были покрыты глиняной штукатуркой. Свод в помещениях сложен из крупных сырцовых кирпичей трапециевидной формы (45x25-35x8-9 см). Кладка свода начиналась на высоте 1,6 м. Лишь в одном из помещений центральной части свода сохранилась полностью, но в деформированном виде. Судя по сохранившимся частям, свод имел эллиптическое очертание. Высота его колебалась в пределах 1-1,5 м.

Во внешних стенах коридорообразных помещений на расстоянии 1,2-2,4 м имелись щелевые прорезы (12-17x17-35 см). В северной и южной стенах отверстия находились на высоте одного метра от пола и через всю толщину стены проходили горизонтально. В западной стене отверстия

Рис. 2. Кзыл-Кайнар-тобе (по М.С. Мерщиеву, чертежи – П.В. Агапов). 1 – план вскрытой части архитектурного комплекса; 2 – захоронение «воина» в сводчатом помещении

были устроены на высоте почти двух метров. Проходя через стену, они понижались от внутреннего контура стены к внешнему. Отверстия в северной и южной стенах были определены как вентиляционно-световые проемы. Относительно назначения отверстий в западной стене не было сделано определенного вывода.

Самым возвышенным местом на поселении Кзыл-Кайнар-тобе так же была его юго-западная часть. Раскопками было установлено, что здесь находилось монументальное сооружение, вероятно, крестообразное в плане в виде четырехлепестковой розетки. С внешней стороны прослежен лишь один «лепесток» – восточный, северный и южный вскрыты лишь частично. Расстояние между удаленными точками на вершинах противоположных лепестков – около 18 м. Лепестки были выполнены сплошной кладкой. В верхней части они сложены из сырцовых кирпичей, в нижней – предположительно из пахсовых блоков. В толще кладки этого сооружения находились два помещения типа сводчатых

коридоров, такие же как коридорообразные помещения по периметру прямоугольной постройки. В длину они были вытянуты с юго-запада на северо-восток. Помещения были вскрыты частично – в них сделали по 2-3 небольших шурфа.

На участке предполагаемого двора с западной стороны была обнаружена пахсовая стена, уходящая в направлении внутреннего двора. По мнению М.С. Мерщиева, это была внутренняя или смежная стена помещений. На заниженной площадке, примыкавшей с юга к архитектурному комплексу, была заложена траншея длиной около 8 м. Максимальная толщина культурного слоя в траншее составляла около 1,5 м. Слой состоял из зольников, перекрытых прослойками глины. В самой южной части траншеи, на материке, находились остатки глиняной прослойки (стены?) толщиной около 2 м и высотой 15-25 см, напоминающей пахсу.

2. История изучения вопроса. Анализируя памятники Таласской долины, М. С. Мерщиев отметил отсутствие на тот момент прямых

аналогий⁷. В то же время, им были выделены похожие по плану сооружения в Фергане, которые исследователи считали храмами. В 1964–1965 гг. в зоне строительства Ферганского канала было открыто монолитное сооружение (тепа №5) в виде четырехлепестковой розетки с прямыми углами между лепестками. Наверху находилась квадратная камера (2x2 м), заполненная рыхлой землей. На втором этапе существования к сооружению пристроили четыре дополнительных лепестка, и постройка приобрела форму восьмилепестковой розетки⁸. В Ферганской долине было также открыто аналогичное сооружение плохой сохранности. Памятники датированы IV–VI вв. по остаткам небольшого поселения, расположенного неподалеку от тепа №5. Было сделано предположение, что культовые сооружения, открытые в Фергане, выполняли функции буддийских ступ⁹. Однако исследователи заметили, что буддийские памятники Ферганы не характерны для сооружений подобного типа. Это касается планировки буддийского храма в Кубе со статуями и сюжетной композицией, изображающей путь Будды¹⁰. Вероятно, поэтому открытый позднее памятник в Керкидоне был интерпретирован как «ступа».

По мнению Р.Х. Сулейманова, к северо-западу от Средней Азии в развитии крестовидных культовых композиций продолжается традиция жертвенных мест и языческих капищ древних и раннесредневековых славян. Он отметил, что капище Перуна в Перыни вблизи Новгорода и Красногорское святилище представляют собой в плане восьмилепестковые розетки, как и сооружение тепа №5 близ Керкидона. На капище Перуна в центре находилось круглое возвышение с идолом, возле которого на каменной выкладке осуществлялись жертвоприношения, а периферия была окружена восемью округлыми углублениями, заполненными золой. На красногорском

святилище в двух периферийных углублениях помимо угля, золы, костей животных были обнаружены погребения людей, связанные «с пережитком архаической индоарийской *пурушамедхи* – человеческого жертвоприношения»¹¹.

На памятнике Сеталак-1 (III–VI вв.) в Бухарском оазисе были выявлены три строительных горизонта с культовыми сооружениями разного архитектурного облика, последовательно сменявшие друг друга (рис. 3)¹². Первое по времени святилище построено на небольшом естественном холме. В основании здания была выложена глинобитная платформа немного выше 1 м, перекрытая двумя рядами кладки из сырцового кирпича размером 40-41x40x41x9-10 см. Квадратное в плане здание (17x17 м), ориентированное по сторонам света, было обращено на юг и состояло из двух помещений. С двух сторон от входного проема располагались щелевидные прорези – вентиляционно-световые проемы и глубокая ниша, имитировавшая такой проем. Часть здания занимал зал с нишей напротив входа, образованной двумя большими выступами. Вдоль задней стены зала было вытянуто узкое помещение, соединенное с залом боковым проходом. Стены здания толщиной 1,6 м слегка сужены кверху, сложены из рядов пахсы, прослоенных сырцовым кирпичом (39-41x39-41x9-11 см), и покрыты саманной штукатуркой. С точки зрения Р.Х. Сулейманова, в первом строительном периоде храмовый комплекс Сеталак-1 являлся «частным случаем воспроизведения в Согде архаической планировки месопотамских храмов»¹³.

Во втором периоде небольшое кубическое здание было полностью перекрыто новыми кладками, образовавшими по его сторонам четыре полуовальных выступа-башни. Монолитный квадрат с полуовалами был окружен квадратом стены (40x40 м) со спиралевидно оформленным

⁷ Максимова А.Г., Мерциев М.С. Восточная округа Тараза...; Мерциев М.С. Поселение Чоль-тобе... 69-73; Мерциев М.С. Поселение Кзыл-Кайнар-тобе... С. 79-92.

⁸ Максимова А.Г., Мерциев М.С. Восточная округа Тараза... С. 141; Горбунова Н.Г. Работы Ферганской экспедиции... С. 15 и сл.; Горбунова Н.Г., Оболдуева Т.Г. Работы в зоне строительства... С. 339.

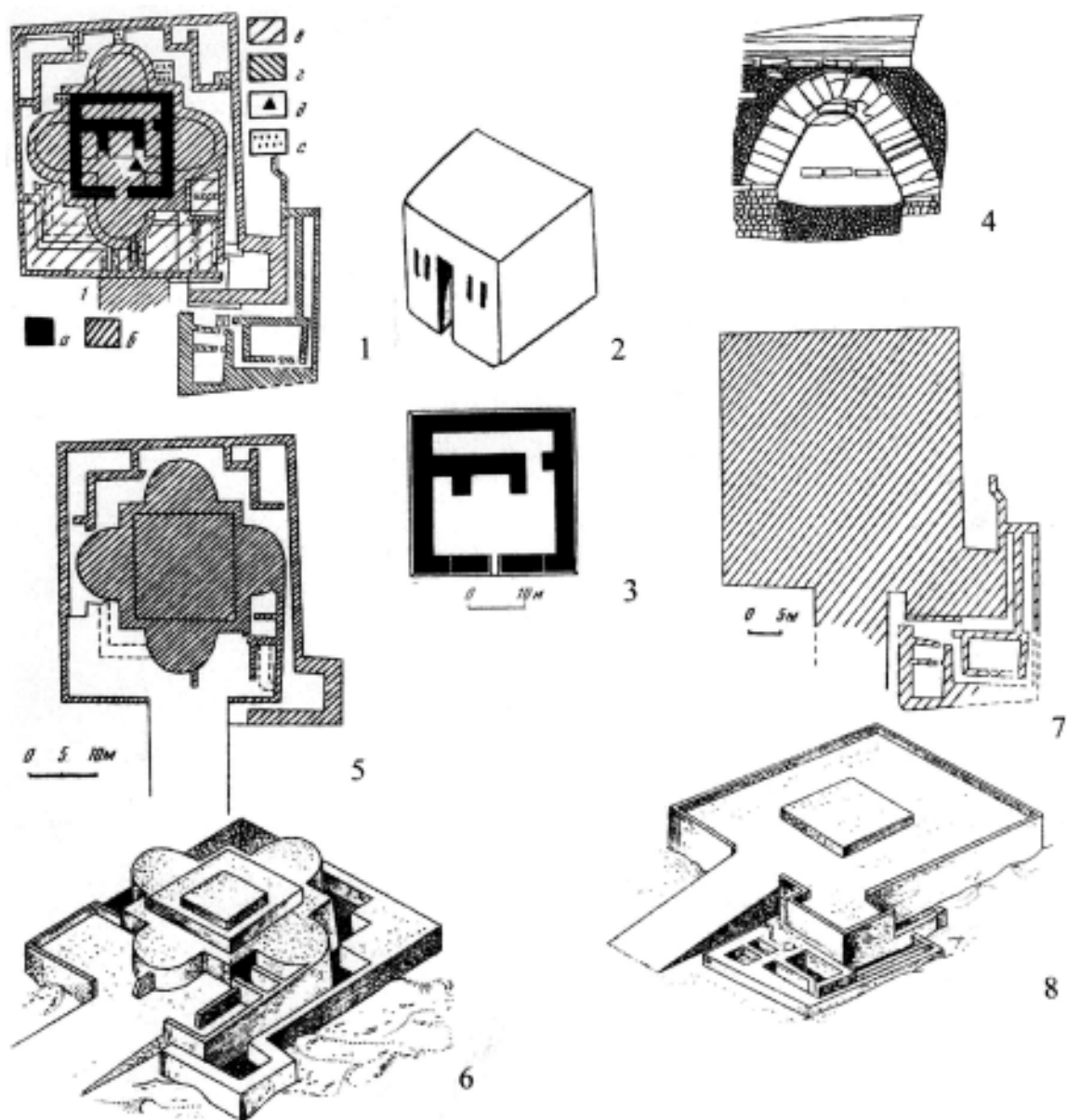
⁹ Горбунова Н.Г. В Древней Фергане... С. 18-19.

¹⁰ Брыкина Г.А., Горбунова Н.Г. Фергана // Археология. Средняя Азия в раннем средневековье. М., 1999. С. 97; Булатова В.А. Древняя Кува. Ташкент, 1972.

¹¹ Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб... С. 260; Седов В.В. Восточные славяне в VI-VIII вв. // Археология СССР. М., 1982. С. 261 и сл.

¹² Культура древнебухарского оазиса III-VI вв. н. э. Ташкент, 1983. С. 66-98; Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб... С. 258-259; Распопова В.И., Шишкина Г.В. Согд... С. 60-61.

¹³ Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб... С. 249-250.

Рис. 3. Сетлак-1 (по Р. Х. Сулейманову, В. И. Распоповой, Г. В. Шишкиной).
 1 – Сводный план. 2-3 – здание первого строительного периода. 4 – разрез свода помещения IX.
 5-6 – здание второго строительного периода. 7-8 – здание третьего строительного периода

«скользящим входом» в юго-восточном углу, который, по замечанию Р. Х. Сулейманова, типичен для укреплений и погребальных склепов джетысарской культуры. С юга был возведен пандус, ведущий на возвышенную площадку, а через коленчатый вход к востоку от пандуса можно было попасть в пределы ограды. Южную часть пространства в ограде занимала возвышенная площадка, противоположные ей углы были отведены под коленчатые помещения и оставлено место для обхода сооружения от восточного

закругленного выступа до западного. В платформе возвышенной площадки были устроены сводчатые помещения с входами из обводного коридора, а поверхность площадки разделена переборками на отсеки разных размеров.

В третий строительный период все сооружение в пределах внешней стены было забутовано и заложено, превратилось в единый монолит, к юго-восточному углу которого было пристроено многокомнатное здание, где выделялся зал, обведенный по периметру коридором.

Исследовав обрядовую практику, Р.Х. Сулейманов отметил, что, несмотря на то, что комплекс Сеталак-1 представлял собой три архитектурно разных типа сооружения, характер культа и проводившиеся на нем ритуальные церемонии не менялись на всем протяжении функционирования комплекса. Во всех строительных периодах имелось одно замкнутое, расположенное в глубине помещения, которое могло служить хранилищем огня, хотя никаких алтарей, очагов или жертвенников огня на Сеталак-1 обнаружено не было. Здесь преимущественно возле восточных и южных стен комплекса и особенно на верхней площадке во все периоды его функционирования периодически разводились большие кострища, сопровождавшиеся жертвоприношением мелкого рогатого скота и ритуальной трапезой. По её окончании кости жертвенных животных вместе с кострищем погребались слоем глины, земли и песка. В результате скопились многометровые слои золы, чередующиеся с глиной и землей¹⁴.

3. Архитектурные особенности памятников и функциональное назначение помещений. В топографическом отношении Чолтобе и Кзыл-Кайнар-тобе отнесены М. С. Мерциевым к типу «тобе с площадкой», подтипу довольно пологих, что отмечено как один из характерных признаков ранних поселений.

Памятники имеют признаки предшествующих по времени культовых платформ под открытым небом и сооружений центрической композиции, сочетавших в своей структуре круг, квадрат и крест. По горизонтали выделяется трехчастность храмов – близкий к квадрату комплекс из коридорообразных помещений, расположенных по периметру, двор, разделенный на сектора тонкими перегородками (как на Сеталаке-1), и, наконец, ритуальный центр в виде крестообразной постройки – символ Мирового древа или «пула земли», связанный с представлением о мировой оси. Р. Х. Сулейманов отметил, что структура квадратного здания с коридорами по четырем сторонам, вероятно, отвечает индоарийской схе-

ме космограммы. В подобных схемах заложена идея мандалы. Особое развитие архитектура данного типа получила в древней и средневековой Индии. Центральное помещение в космограмме являлось психологическим и ритуальным центром, было связано с культом огня. Вар (авест. Вара) «размером в бег на все четыре стороны», построенный Йимой, состоял из трех кругов стен, где стороны соотносятся не с квадратом, а с окружностью. При исследовании храмовых комплексов Бактрии исследователи отмечали символику микрокосма и мифологической Вары¹⁵.

В ранних представлениях огороженное поселение или город символически воспринимались как «небесный город» – обитель солнечного божества или его антипод – «город мертвых» в потустороннем мире. Городские стены, построенные по квадрату, ассоциировались с границами мира¹⁶. С учетом некоторых исключений, выделяются две основные схемы городской планировки: круг (овал) и квадрат (прямоугольник). Древние и средневековые города Востока (Египет, Двуречье, Индия, Средняя Азия, Китай) в плане квадратные, а Запада (Древняя Греция, Западная и Восточная Европа и др.) – круглые. В разные эпохи в странах, где активно взаимодействовали воззрения Запада и Востока, известны различные формы городских планов. По представлениям жителей соответствующих земель таким был образ организованного космоса, который противостоял хаосу¹⁷.

При изучении материалов Сеталак-1 исследователи выявили на территории Средней Азии синхронные кульгово-мемориальные сооружения с крестовидной планировкой, связанные с культом огня и относящиеся к периоду III–VI вв.¹⁸ По мнению Р.Х. Сулейманова, структуру, аналогичную памятнику Сеталак-1, и предположительно сходное назначение имели крестовидные центральные сооружения Билувуртепа и Арктепа. На Шаштепа и Билувуртепа крестообразные монументальные сооружения окружены круглой внешней стеной. Крестообразное сооружение Арктепа

¹⁴ Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб... С. 259.

¹⁵ Авеста в русских переводах (1861-1996). Под ред. Рака И.В. СПб., 1998. С. 79; Сулейманов Р.Х. Древний... 231.

¹⁶ Кызласов Л.Р. Городская цивилизация Средней и Северной Азии. Исторические и археологические исследования. М., 2006. С. 20, 21; Кызласов И.Л. Воплощения Вселенной (Археологические памятники как объект палеоастрономии) // Историко-астрономические исследования. Вып. XXI. Минувшее, современность, прогнозы. XXI в. М., 1989. С. 209.

¹⁷ См. обзор литературы: Кызласов Л.Р. Городская цивилизация ... С. 21.

¹⁸ Мухамеджанов А.Р., Сулейманов Р.Х., Ураков Б. Культура древнебухарского оазиса III–VI вв. Ташкент, 1983. С. 111 и сл.; Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб... С. 258.

вписано в квадрат внешних стен. Ещё один вариант раннесредневекового крестообразного, центрального культового сооружения представлен «домами огня» на Актепе в Уструшане и Актепа Чилиназарское в Ташкенте первого строительного периода. Оба сооружения состояли из квадратного центрального ядра, заполненного скоплениями зольных горизонтов, фланкированного по углам крупными башнями, придающими крестовидность общей планировке зданий. Крестообразную планировку имело раннесредневековое сооружение «Н» в Хайр Хане близ Кабула. Центральное квадратное в плане ядро так же было фланкировано по углам крупными круглыми башнями, придающими крестовидную структуру его планировке. Здание входило в обширный комплекс, связанный с культом Солнца¹⁹.

Р.Х. Сулейманов проследил историю развития культовых построек с крестовидной планировкой. Обратившись к истокам, он отметил, что древнейшими в Средней Азии памятниками являются поселения Келели и последующий по времени «храм-дворец» Дашлы-3. С его точки зрения, «древнейшая крестовидная схема планировки сакральных сооружений, зафиксированная у оседло-земледельческого населения Бактрии и Дашлы-3 еще в эпоху бронзы, проникла в эпоху раннего железного века к северу в среду скотоводческого населения, влияя на формирование погребальной архитектуры кочевников». В степной зоне крестовидная планировка свойственна мемориальным сооружениям и курганам кочевого скифо-сарматского населения, погребальный обряд которых был тесно связан с культом огня и обрядом кремации. Крестообразную планировку камеры имели и знаменитые царские курганы скифов Причерноморья, в частности, такие как Чертомлык и более поздние погребения вплоть

до II–IV вв. В I-х вв. до н. э. и позже традиция погребальных сооружений, сочетавших в структуре крест, круг и квадрат, с продвижением приаральских и присырдарьинских племен в оазисы Согда, Чача и Ферганы проникла в архитектуру оазисов Средней Азии, в некоторых случаях сохраняя связь с мемориальным культом. Параллельно шло развитие культа ступа в буддизме. Время и территория распространения крестовидных в плане культовых сооружений совпадают с границами и временем распространения на юг и восток влияния культуры древних племен среднего и нижнего течения Сырдарьи²⁰.

Памятники с крестовидной планировкой помещений известны в каунчинской культуре. В районе среднего течения Сырдарьи – это монументальные постройки на поселении Актобе-2 (I – начало IV вв. н. э.)²¹ и на цитадели городища Актобе-1²². В работе, посвященной определению культового значения этих построек, датировка здания на Актобе-1 уточнена и отнесена к IV – первой половиной VI в. н. э. – завершающему этапу каунчинской культуры (Каунчи-3). Сырцовый купол, покрывающий северо-восточное помещение на Актобе-2, и деревянное шатровое перекрытие в западном помещении на Актобе-1 связываются происхождением с более ранними погребальными конструкциями, а помещения, соответственно, – с культом предков. На Актобе-1 этот культ подтвержден также находкой фигурки идола²³. К ранним сооружениям этого типа, по мнению Р. Х. Сулейманова, относятся сакские мавзолеи Приаралья. Интерьер храма Шаштепа III–IV вв. состоял из прямоугольных и коридорообразных помещений со сводчатыми перекрытиями²⁴. В Нахшабе крестообразная планировка выявлена на крупной укрепленной усадьбе IV–V вв. н. э. вблизи городища Киндиклитепа (Киндиктепа)²⁵.

¹⁹ Обзор литературы по названным памятникам см.: Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб... 2000. С. 258, 259.

²⁰ См. обзор литературы: Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб... С. 256-261.

²¹ Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Поселение Актобе 2 (I – начало IV в. н. э.) // Максимова А.Г., Мерицев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Древности Чардары (археологические исследования в зоне Чардаринского водохранилища). Алма-Ата, 1968. С. 71; Буряков Ю.Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982. С. 79.

²² Мерицев М.С. Городище Актобе 1 (IV – начало XIII в.) // Максимова А.Г., Мерицев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Древности Чардары (археологические исследования в зоне Чардаринского водохранилища). Алма-Ата, 1968. С. 120-158.

²³ Терновая Г.А. О культовом значении построек с крестовидной планировкой в районе среднего течения Сырдарьи I–VI вв. // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2008, №3. – С. 218-238.

²⁴ Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб... С. 256.

²⁵ Хасанов М. Распространение крестообразной планировки в архитектуре Средней Азии // Археология и история Центральной Азии. К 70-летию со дня рождения Ю.Ф. Бурякова. Самарканд, 2004. С. 155-161; Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб... С. 259, рис. 5.

Формирование архитектуры осуществлялось под воздействием историко-культурных процессов, происходящих в то время. В IV в. н. э. «достигло апогея великое переселение народов Евразии, которое в степной полосе началось с движения гуннов и затронуло в первую очередь Среднюю Азию». Из источников известно о хионитах, которые заняли Согд и в середине IV в. н. э. пришли в столкновение с Ираном, угрожая северовосточным рубежам государства Сасанидов. По материалам сельских поселений Бухарского оазиса IV–VI вв. н. э. исследователи заключили, что «каунчинско-джетыасарский комплекс в Согде той поры есть проявление переселения народов. Судя по имеющимся материалам, целые группы джетыасарских городищ прекратили свое существование в конце III–IV вв. н. э. Традиции этих присырдарьинских племен оказали заметное влияние как на систему расселения, так и на архитектуру и, в особенности, фортификацию городов и поселений Согда IV–VI вв.». Большинство храмов Бактрии было возведено ещё в античности, а согдийские строились преимущественно в хионитское и эфталитское время. Архитектура хионитского времени в бухарском Согде представлена сооружениями Сеталак-1 и Кызылкыр-1²⁶.

Исследовав Чоль-тобе, М.С. Мершиев выделил три основных периода его жизни. К первому периоду он отнес небольшой зольник толщиной 20 см, покрывающий материк. Ко второму – крестообразное сооружение и весь комплекс. К третьему периоду – зольник, накопившийся у крестообразного сооружения толщиной 55 см, на котором была возведена обкладка («чехол») крестообразного сооружения.

Зольный слой толщиной около 80 см, лежащий непосредственно на материке, предшествовал монументальной постройке с крестовидной планировкой на городище Актобе-1 в районе среднего течения Сырдарьи. Там были обнаружены фрагменты керамических сосудов ручной лепки, датирующие слой IV–V вв. н. э.²⁷ В центре городища Еркурган под конструкциями храма более позднего времени, на дне стратиграфического шурфа была обнаружена платформа высотой около двух метров с золой и фрагментами

посуды наверху. Она была возведена на материке и отделена от него тонкой углистой прослойкой, игравшей, по мнению Р.Х. Сулейманова, «роль гидроизолятора и служившей, видимо, и средством сакрального очищения культового места»²⁸.

4. Обряд. Несмотря на сходство крестовидной планировки храмовых комплексов, следует заметить, что в Таласской долине не был прослежен обряд засыпания керамических черепков и костей животных золой, подобный тому, который восстановлен Р. Х. Сулеймановым на памятнике Сеталак-1. М.С. Мершиев отметил довольно глубокие прокаленные пятна, заполненные чистой золой без остатков материалов горения. В отличие от Сеталака-1, где отсутствовали алтари, очаги и жертвенники огня, на Чоль-тобе выявлены алтарные ниши и жертвенники. Поэтому обряд не может быть восстановлен по типологически близким памятникам на территории Бухарского оазиса и Ферганы. На территории памятников Таласской долины было найдено значительное количество целых сосудов и фрагментов керамики. Отмечено сходство форм некоторых сосудов и двух ручек с зооморфными изображениями с памятниками каунчинской культуры, в том числе с памятниками средней Сырдарьи (Актобе-2, Актобе-1).

М.С. Мершиев подчеркнул, что среди форм керамических сосудов, находки чаш на Чоль-тобе и Кызыл-Кайнар-тобе весьма незначительны. Для сравнения на Сеталак-1 находки чаш были преобладающими. На Сеталак-1 найдены в основном кости мелких рогатых животных. На Чоль-тобе и Кызыл-Кайнар-тобе кости мелкого рогатого скота составляли меньше половины от общего числа костей животных. К многочисленным находкам на памятниках Таласской долины относятся пряслица, каменные зернотерки (ладьевидные, плоские, эллипсоидной формы), терки, куранты, песты. Из других каменных изделий отмечена каменная ступка высотой 8 см, состоящая из полусферической чаши-резервуара диаметром 14 см и ножки диаметром 10 см. Кроме того, обнаружены части двух ступкообразных предметов в виде дисков с небольшим углублением на одной из сторон.

²⁶ См обзор литературы: Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб... С. 61, 253, 259.

²⁷ Мершиев М.С. Городище Актобе 1 (IV – начало XIII в.)... С. 130, 153.

²⁸ Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб... С. 238.

4а. Жертвенные захоронения.

Чоль-тобе. «Строительная жертва». К особенностям памятника Чоль-тобе относятся жертвенные захоронения (одно женское и два мужских), сделанные, по предположению М. С. Мерциева, «при жизни помещений комплекса».

У народов первобытной культуры был широко распространен обычай закладывать фундаменты зданий на костях человеческих жертв, чтобы души жертв оберегали или укрепляли фундамент²⁹. Значению строительных обрядов и связанной с ними строительной жертвы посвящен ряд работ М. Элиаде, написанных на румынском материале в сопоставлении с другими балканскими параллелями и иными традициями, где известны строительные жертвы. Обзору работ М. Элиаде и прочих исследований на эту тему посвящена работа В.В. Иванова³⁰. В русской семиотике, кроме В.В. Иванова, эта проблема рассматривалась в связи с символикой Мирowego древа в трудах В.Н. Топорова и А.К. Байбурина³¹.

По М. Элиаде, жертвоприношение совершалось для того, чтобы ввести в храм, дом (жилище, крепость или укрепленный город) душу: для этого должно быть убито одушевленное существо. Дом или город являлись сакральными и представляли собой символический центр мироздания. Жертвоприношение, совершаемое ради дома, первоначально заключалось в убийстве гиганта – первочеловека. Все позднейшие строительные обряды тяготеют к этому архетипу и представляют собой его вечное возвращение. М. Элиаде утверждал: «для того, чтобы продлить свое существование, «сооружение» (дом, плод технической работы, но вместе с тем и продукт духовного труда) должно быть одушевлено, то есть, получить одновременно жизнь и душу. «Передача» души возможна только посредством кровавого жертвоприношения. История религии,

этнология и фольклор знают бесчисленные формы строительной жертвы ...». В этих обрядах Элиаде видел выражение мировоззрения древнего населения, занявшегося сельским хозяйством и осуществлявшего символическую «космизацию» пространства посредством определения его центра и ритуальное одушевление с помощью строительного жертвоприношения. В. В. Иванов отметил, что принимаемый Элиаде тезис о сакральном доме как центре мира можно подтвердить свидетельствами многих надежных источников³².

Женское захоронение. Женское захоронение на Чоль-тобе обнаружено в сооружении в виде четырехлепестковой розетки, расположенном в центре культового комплекса (рис. 1.5). С южной стороны коридорообразного помещения XVI был заложен шурф. На глубине 2 м в нем обнаружили захоронение девушки в возрасте 12-15 лет. Контуры могильной ямы не прослеживалось. Над захоронением был слой, состоящий из завала сырцовых кирпичей. Скелет лежал на спине в вытянутом положении, головой на северо-запад. Руки вытянуты вдоль туловища. На костяке найдена костяная трубка, вероятно, связанная с поясом. На уровне нижней части груди обнаружено керамическое пряслице, вокруг шеи – бусы, в области левого уха – бронзовая серьга из проволоки и кусочка белой массы³³.

В балканской (древней византийской) области строительный обряд всегда связан с принесением в жертву женщины. Фабула баллады о мастере Маноле, рассмотренная в работах М. Элиаде, основана на мифопоэтическом повествовании о строителе, который принес в жертву свою жену, поместив ее в одном из вариантов внутрь стен строившегося здания. Этот мотив, для которого предполагают возможный исторический прообраз, восходит к архетипическому обряду

²⁹ Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь. Дополнительный том. Исследование магии и религии. М., 1998. С. 221, 222-223.

³⁰ Автором использован обзор работ М. Элиаде по: Вячеслав В.С. Иванов_ Происхождение и трансформации фабулы баллады о мастере Маноле.htm

³¹ Иванов В.В. Опыт истолкования ритуальных и мифологических терминов, образованных от аьва-«конь» // Из работ московского семиотического круга. М., 1997, с. 171-220; Топоров В.Н. Славянские комментарии к нескольким латинским архаизмам // Этимология 1972. М., 1974 и др.; Байбурин А.К. «Строительная жертва» и связанные с нею ритуальные символы у восточных славян // Проблемы славянской этнографии. Л., 1979; Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983; Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточно-славянских обрядов. СПб, 1993.

³² См. обзор публикаций: Вячеслав В.С. Иванов_ Происхождение и трансформации...

³³ Максимова А.Г., Мерциев М.С. Восточная округа Тараза...

строительной жертвы. Он известен для достаточно раннего периода на Балканах по свидетельству византийских источников, где говорится об умерщвлении женщины или девушки, тело которой кладется в фундамент постройки. В Греции и некоторых других частях Балкан (в том числе и в Румынии) сохранились до сих пор следы строительного ритуала жертвоприношения в виде обряда «бегства тени»³⁴.

С точки зрения В. В. Иванова, строительное жертвоприношение не выводится прямо из раннего поклонения богиням или другим женским образам. Для того, чтобы объяснить таким образом возникновение фабулы баллады о Маноле, он предположил ряд промежуточных звеньев, среди которых – представление о духе дома, являющемся женским существом высокого мифологического статуса, необходимость соотношения этого духа с реальной женщиной, принесение этой женщины в жертву для обретения домом своего тела – реальной постройки³⁵. У многих народов существуют понятия о женщине как хранительнице домашнего очага³⁶. У памирцев священное курение, возжигаемое на домашнем очаге, может совершаться только женщиной, принадлежащей к семье данного дома. Брачный обряд памирцев у очага в доме невесты, а затем в доме жениха, по мнению исследователей, связан с отстранением невесты от родового культа своих предков и приобщением к родовому культу жениха³⁷. Подобный обряд был у казахов³⁸.

Кроме различных версий баллады о Маноле на индоевропейских языках известны варианты на уральских (финно-угорских) языках – центрально-европейском угорском – венгерском. На Кавказе обнаружены варианты на индоевропейском армянском и на картвельском (южнокавказском) грузинском. В исследованиях отмечена связь балканских вариантов с кавказскими. Малоазиатские греческие варианты сопоставлены

с армянскими, которые, в свою очередь повлияли на грузинские. По замечанию В. В. Иванова, «роль субстратных представлений самой Малой Азии могла быть значительной, потому что... здесь, как и на Балканах, мифологическая роль женского начала («богинь») была особенно заметной на протяжении тысячелетий»³⁹.

Образ пряжи. Находка в погребении керамического пряслица и костяной трубки дает возможность связать погребенную с образом «пряжи». Костяные полые трубки найдены в могильниках Северного Таджикистана, Кыргызстана и Казахстана. У некоторых экземпляров внутри сохранилось железо. В одном случае это был фрагмент коррозированной иглы. Проведя этнографические параллели, Б. А. Литвинский отметил, что часть таких трубочек служила игольниками. Игольники хуфцев представляли собой сложенный вдоль и зашитый внизу ремешок с надетой на него полой костяной трубочкой, что удобно для хранения иголок⁴⁰.

М. С. Мерциев отметил, что на Чоль-тобе находки пряслиц и заготовок для них являются «довольно многочисленными». Собрано более 20-ти экземпляров. Одно глиняное пряслице имеет биконическую форму, остальные – дисковидные, выточенные из фрагментов глиняных сосудов. Найдены также около десяти заготовок для пряслиц, три каменных пряслица по форме и размерам такие же, как керамические, каменные диски с отверстиями в центре – грузила для ткацкого станка. Среди находок на Кзыл-Кайнар-тобе отмечены глиняные пряслица дисковидной формы и каменный диск – заготовка для пряслица.

На памятнике Актобе-2 (среднее течение Сырдарьи) в монументальном здании и прилегающих к нему помещениях было собрано 25 пряслиц биконической или конической формы, изготовленных в основном из глины, две заготовки для пряслиц, выточенные из стенок сосудов, плоское

³⁴ Иванов В.В. Опыт истолкования... С. 171-220; Вячеслав Вс_Иванов_Происхождение и трансформации...

³⁵ Вячеслав Вс_Иванов_Происхождение и трансформации...

³⁶ Гаджиев Г.А. Доисламские верования и обряды народов Нагорного Дагестана. М., 1991. С. 86.

³⁷ Литвинский Б.А. Семантика древних верований и обрядов памирцев // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. М., 1981. С. 91.

³⁸ Толеубаев А.Т. Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов (XIX – начало XX вв.). Алма-Ата, 1991. С. 155-156.

³⁹ См. Обзор публикаций: Вячеслав Вс_Иванов_Происхождение и трансформации...

⁴⁰ Литвинский Б.А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. (Археологические и этнографические материалы по истории культуры и религии Средней Азии). М., 1978. С. 25-27, табл. 5.

каменное пряслице и предмет из камня, служащий грузилом. Каменное грузило найдено также на территории цитадели. В специальной статье рассмотрено значение памятника Актобе-2, который объясняется как укрепленный храмовый комплекс⁴¹. Находки пряслиц на территории храма связаны культом богини-пряжи – вершительницы человеческих судеб, которая подобна греческим Мойрам, римским Паркам, скандинавским Норнам, прядущим и обрезающим нить жизни. Согласно преданиям, у богини Си-ван-му была внучка – ткачиха Чжинюй⁴². На синхронных памятниках Средней Азии – Северной Бактрии, Мерва, Хорезма, когда определены изображения богини Судьбы. На основании проведенного анализа, выделено время существования культа – кушанский период «среднеазиатской античности», I в. до н. э. – IV в. н. э. Появление образа богини в этот период связано с распространением античной культуры, способствовавшей возобновлению архаичных традиций. На возрождение культа женского божества повлияли гинекократические традиции сако-сармато-юэчжийских племен, участвовавших в создании государственных образований на территории Средней Азии⁴³.

Если находки пряслиц и ткацких грузил в погребениях и мавзолеях рассматриваются как вотивы – символические подношения богине⁴⁴, то находки этих предметов на территории храмов следует связывать с обрядовой практикой. Появление прядущих духов приурочено к определенному времени – «переходным» моментам. Когда миры оказываются близко друг к другу, прядение носит не бытовой а судьбоносный характер. Поэтому «простым смертным» в такое время нельзя притрагиваться к магическому инструменту сотворения полотна жизни – женщины отдыхают, а богини, духи и «знающие» прядут, воздействуя на человеческую жизнь и мироздание. С ткачеством связан мифологический

сюжет Ригvedы о божествах «кави», натягивавших семь нитей утка и основы, что по Атхарвavede (19. 8. 37-38) означало установление делений пространства и времени, то есть акт космогонии⁴⁵.

Существовали представления, что в «переломное» время нельзя вить веревки, скручивать нитки, сматывать клубки, вязать узлы, плести, чтобы не разрушить хрупкое равновесие, позволяя силам хаоса проникнуть в «упорядоченный» мир. Запрещено было прясть в дни «солнцеворота». Зимний «солнцеворот» соотносился с культом мертвых. Нельзя было прясть на русальной неделе (переход от весны к лету), по пятницам. В ночь перед Рождеством (зимнее солнцестояние), когда границы миров истончаются, а прошлое, настоящее и будущее оказываются рядом, пряли программирующие нити. Прядение заканчивалось 26 марта (по старому стилю), к этому времени полагалось завершить последнюю пряжу, иначе сделанное «не пойдет впрок». В языческие времена на Руси нерабочим днем была пятница. Еще в XIX веке крестьянки не смели в этот день шить или прясть, чтобы не прогневить Параскеву Пятницу⁴⁶.

В древности если рождался мальчик, пуповину ему перерезали на топориче или стреле, чтобы рос охотником и мастеровым, если девочка – на веретене, чтобы была рукодельницей. Повивальная бабка (повитуха, по-древнерусски «повивала») перевязывала пуповину льняной ниткой, сплетенной с волосами матери и отца. Плацента (послед, детское место) воспринималась как двойник матери и ребенка и предавалась ритуальному захоронению в доме или в саду, чтобы родовая нить привязывала человека к отчужденному дому⁴⁷. У среднеазиатских народов существовал обычай зарывать послед и пуповину ребенка до трехмесячного возраста под плодовым деревом⁴⁸. Шорцы и горно-алтайские телеуты называли пуповину или плаценту умай (ымай) и имели обычай закапывать их в жилище вблизи

⁴¹ Терновая Г.А. О культовом значении построек...

⁴² Обзор литературы: Терновая Г.А. О культовом значении построек...

⁴³ Терновая Г.А. Культ богини с веретеном в разных традициях и воплощение её образа в искусстве // Древняя и средневековая урбанизация Евразии и возраст города Шымкент / Мат-лы Междунар. научно-практ. конф. 16 октября 2008 г. Шымкент, 2008. С. 276-310.

⁴⁴ Литвинский Б.А. Орудия труда... С. 41-53; См. также обзор работ: Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб... С. 302.

⁴⁵ Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб... С. 293,301-302.

⁴⁶ Моисеева Н.И. Время в нас и время вне нас. – Л., 1991; Моисеева Н.И. Палеоастрономия Древней Руси // (Из книги профессора Н. И. Моисеевой) Время в нас и время вне нас, 1991 г.),.htm.

⁴⁷ Шубина Е.В. Ритуалы: зашифрованная сила тысячелетий. СПб., 2004. С. 14.

⁴⁸ Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов узбеков Хорезма. М., 1969. С. 83.

очага⁴⁹. В восточнославянской мифологии среди богинь-пряж наиболее известна Мокошь. Она представлялась как женщина, прядущая по ночам в избе. После принятия православия продолжением образа Мокши стала Параскева Пятница, котрой приносили жертву, бросая в колодец пряжу, кудель. Русская Среда, Середа – женский мифологический персонаж, связанный, как и Пятница, с нечетом – женским враждебным началом. Среда якобы помогала ткать и белить холсты, наказывая тех, кто работал в среду⁵⁰.

Мужские захоронения. Мужские захоронения, в отличие от женского, обнаружены не в центральном сооружении Чоль-тобе, а в коридорообразных помещениях комплекса, расположенного по периметру. В юго-восточном углу *помещения VIII*, у стены, напротив дверного проема и вблизи дверного проема в смежное с ним *помещение VII*, под полом было обнаружено погребение мужчины европеоидного типа в возрасте 50-60 лет (**рис. 1.6**). Он лежал на правом боку в скорченном положении, головой ориентирован на северо-восток (восток). Ноги сильно согнуты в коленях и подтянуты к туловищу. Правая рука несколько отставлена вперед. Вблизи захоронения были найдены: каменный оселок и скобель из широкого «скотского» ребра.

Ещё одно захоронение мужчины («андроновского типа») в возрасте 45-50 лет было обнаружено в *помещении III*, у дверного проема, в западной стене, под полом (**рис. 1.7**). Мужчина лежал головой на северо-запад (запад) в скорченном положении на левом боку. Правая нога была согнута в колене и несколько подогнута, левая нога вытянута. Левая рука располагалась вдоль туловища, правая слегка согнута в локте⁵¹.

Погребения в скорченном виде на правом или левом боку известны с эпохи позднего палеолита (ориньякская культура), в эпоху бронзы были распространены на обширной территории и от-

несены к разным археологическим культурам. В ряде случаев они связываются с индоевропейской традицией. В скифских культурах Горного Алтая и Тувы захоронения людей в скорченном положении сохраняются до конца эпохи раннего железа⁵². Обычно поза погребенных объясняется в связи с положением человеческого зародыша в утробе матери. Смысл погребения – вручение тела земле. В народных верованиях сохранились до нового времени восходящие к эпохе индоиранской общности представления о Матери-Земле, прародительнице всего сущего, в том числе и человека. В её лоно он возвращается после смерти⁵³.

Основные точки, которые фиксируются на ряде памятников, исследованных во всем мире и связанных с солярным культом, – это местонахождения Солнца во время восхода, захода (либо в другое определенное время суток) в дни летнего и зимнего солнцестояний, весеннего и осеннего равноденствий.

К сожалению, по чертежам, выполненным на археологических раскопах более 40 лет назад, с достаточно условным направлением стрелки, указывающей на север, нельзя вычислить точное движение лучей солнца в определенное время года. Ю. М. Пешков отметил смещение центральной оси памятников Чоль-тобе и Кзыл-Кайнар-тобе к востоку, что, по его мнению, совпадает с отклонением центральной оси культового памятника Кой-Крылган-кала. Исследования хорезмийского памятника показали, что это связано с ориентацией на Солнце в моменты равноденствия, а также на другие небесные светила⁵⁴.

После рассмотрения памятника Чоль-тобе, условного определения назначения основной части помещений и реконструкции обрядовой практики, можно предположить, что места жертвенных захоронений мужчин связаны с точками захода Солнца в день зимнего солнцестояния (?) и восходом в день летнего солнцестояния (?) и символизировали смерть и рождение.

⁴⁹ *Потапов Л.П.* Алтайский шаманизм. Л., 1991. С. 286.

⁵⁰ *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Мокошь // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1982. С. 169.

⁵¹ *Максимова А.Г., Мерциев М.С.* Восточная округа Тараза...

⁵² *Грач А.Д.* Древние кочевники в центре Азии. М., 1980. С. 170-171.

⁵³ *Литвинский Б.А.* Памирская космология. (Опыт реконструкции) // Страны и народы Востока. Вып. 16. М., 1975. С. 255-256; *Литвинский Б.А.* Семантика древних верований и обрядов памирцев // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. М., 1981. С. 92-93.

⁵⁴ *Пешков Ю.М.* К вопросу о датировке и культурной принадлежности раннеземледельческих поселений Таласской долины // Вопросы изучения истории и культурного наследия Казахстана. Алматы, 1998. С. 59; Кой-Крылган-кала – памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н.э. – IV в. н.э. // Труды хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М., 1967. Т. V. С. 225.

Квадратный комплекс культовых помещений, возможно, соотносился с годовым циклом движения Солнца. В Китае, в Залах Минтана, построенных, по легенде, царем Вэнем династии Чжоу (1122–255 до н. э.), квадратное здание (квадрат служил символом Земли) было покрыто круглой соломенной крышей (круг символизировал небеса). Здание состояло из 5 или 9 квадратных «залов», имевших 12 дверей по числу месяцев года. Как Солнце один за другим проходит 12 знаков зодиака, так и царь ежемесячно входил в новый зал и объявлял через его двери свои указы народу⁵⁵. Рассматривая представления о сакральном доме как центре мира, В.В. Иванов упомянул рассказ индейца племени оглага сиу о том, как они строили для Солнечного ритуального танца помещение, являвшееся моделью всего мира, его центром и воплощением праотца *Wakan-Tanka*⁵⁶.

Жертвенные захоронения мужчин были сделаны у входов. Ворота связаны с представлениями о женском рождающем органе. Материнская утроба при родах – открывающиеся небесные ворота, а пройти сквозь ворота, через дверь – значит спастись, родиться. Такая семантика, по замечанию О.М. Фрейденберг, относится к земледельческому периоду⁵⁷. При трудных родах люди в старину открывали дверь дома, а также ворота⁵⁸.

Кзыл-Кайнар-тобе. Захоронение «воина». В шурфе, заложенном в северной части западного помещения крестообразного сооружения на Кызыл-Кайнар-тобе, на глубине трех метров от поверхности, было обнаружено захоронение «воина» (рис. 2.2). Углубление шурфа показало, что ко времени погребения в помещении над полом уже накопился почти 1,5 м слой, образовавшийся в период запустения помещения. В некоторых местах помещения сохранился свод, и ко времени погребения в помещении оставались пустоты, в одной из которых, внешне похожей на катакомбу, и было произведено захоронение. Скелет лежал на спине у восточной стены помещения в вытянутом положении, головой на северо-восток, руки расположены вдоль туловища. Это был мужчина в возрасте 50-55 лет, принад-

лежавший к смешанному расовому типу (европеоидный с монголоидным). На черепе были отмечены следы искусственной деформации. В области лобной, височной и теменной частей черепа сделано отверстие в виде среза округлой формы диаметром около 11 см. Причину образования отверстия установить не удалось. В захоронении были найдены различные предметы: украшения, пояс, железный однолезвийный кинжал, железные наконечники стрел (трехперые, черешковые), железный меч, костяные пластинки – обкладки деревянной части лука, предмет из золотой фольги, похожий на переднюю часть фигурки лошади. Ближайшую аналогию М. С. Мершиев увидел в позднем погребении в монументальной постройке на Актобе-2 (среднее течение Сырдарьи), датированном концом IV – рубежом IV–V вв. н. э.⁵⁹.

Обрядовые погребения после жизни памятников были сделаны в культовых комплексах хионитского времени в бухарском Согде – Сеталак-1 и Кызылкыр-1. В конце функционирования памятника Сеталак-1 у входа в комплекс разожгли большой костер, на золу которого были уложены очищенные кости человека в приблизительно анатомическом порядке, сбоку находился крестец барана, погребение было покрыто земляной насыпью. На пандусе у входа в комплекс Кызылкыр-1 обнаружили погребение взрослой женщины в костюме с золотыми нашивками. Вблизи черепа погребенной была положена голова барана. У бедер находилось бронзовое зеркало. С точки зрения Р.Х. Сулейманова, в обоих случаях это были жреческие погребения или погребения адорантов, совершенные по завету у порога в святыню, почитаемую у местного населения. Обряд одинаковых по топографии, но разных по типу погребений свидетельствует «о сложных процессах взаимодействия и контаминаций культовых и погребальных традиций в Согде эпохи хионитов и эфталитов»⁶⁰.

М. С. Мершиев в свое время выдвинул ряд гипотез об отверстии в верхней части головы погребенного. Возможно, оно было сделано в ритуальных целях. «Нить жизни», связывающая душу и тело, отходит от верхней части головы.

⁵⁵ Чудеса и загадки нашего мира.htm

⁵⁶ Вячеслав В.С. Иванов. Происхождение и трансформации...

⁵⁷ Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М., 1978. С. 497, 498, 524.

⁵⁸ Байбурун А.К. «Строительная жертва»... С. 159.

⁵⁹ Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Поселение Актобе 2 (I – начало IV в. н. э.)... С. 11-79.

⁶⁰ Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб... С. 259; Нильсен В.А. Кызылкыр // ИМКУ. 1959. №1. С. 76 и сл.

Обрезание «нити жизни» относится к действиям, выполняемым богинями-«пряжами». Вероятно, удаление фрагмента кости в верхней части черепа сделано с целью, чтобы душа умершего передалась храму, на котором прекратилась жизнь, и сила этой души прибавилась к общему плодородию и процветанию. В древности существовали представления, связанные с магическим значением головы. В древнеиндийском обряде при строительстве алтаря в жертву должны были принести человека и четырех животных. Под жертвой человека подразумевалось ритуальное убийство или голова погибшего в сражении, либо убитого молнией⁶¹. В 49 г. до н. э. в летописном описании заключения клятвенного договора между сюнну и Хань сообщается: «Используя как чашу череп правителя юэчжи, разбитого Лаошан-шаньюем, они выпили вино в знак заключения договора, скрепленного кровью»⁶². Сюнну из черепа убитого юэчжийского предводителя пили клятвенное вино, смешанное золотой ложкой с кровью жертвенного белого коня⁶³.

5. Культурное значение памятников. Возвращаясь к вопросу о нити, объединяющей душу и тело, следует обратить внимание на конструктивную особенность храмового комплекса Чолтобе, а именно – перемычку (нить), соединяющую центральное крестовидное сооружение с квадратным комплексом помещений. Эта перемычка тянется в сторону входа в *помещение VIII*, где было обнаружено жертвенное захоронение мужчины.

«Нити»-отростки в «верхних» частях очагов круглой или подпрямоугольной формы, тянущиеся в сторону входа, отмечены на городище джетыасарской культуры Томпак-асар этапов Джеты-

асар Ib и Iv (последние века до н. э. – IV в. н. э.). Кроме того, на городище Томпак-асар указанного периода времени и городище Алтын-асар («Большой дом») периодов Джеты-асар II и III (IV в. н. э. – IX в. н. э.) были обнаружены очаги подпрямоугольной формы, соединенные со стенками входа двумя параллельно идущими валиками, которые отделяли предвходное пространство от остальных частей помещения⁶⁴. Подобные «нити»-отростки встречаются у очагов-жертвенников на памятниках Отрарского оазиса: в доме VI–VII вв. на городище Кок-Мардан, в домах IX–XI вв. на городище Куюк-Мардан⁶⁵, в жилых помещениях IX–X и X–XI вв. на городище Куйрыктобе. В жилищах XI–XII вв. на Куйрыктобе и Отрар-тобе находились круглые и прямоугольные керамические очаги, вкопанные в пол, на поверхности которых были изображены цветы, вырастающие из лунок⁶⁶. Исследователь джетыасарской культуры Л.М. Левина, отметив близкие аналогии планировки жилищ и деталей интерьера с памятниками Кок-Мардан и Куйрыктобе, объяснила сходство джетыасарской и отраско-каратауской культур тесными контактами между жителями городищ и поселений Южного Казахстана⁶⁷.

Центральное сооружение соотносится с символом Мирового древа. Южная ниша в центральном помещении являлась алтарной. Алтарь был эквивалентом Мирового древа, в том числе с фиксацией мировой оси, то есть канала связи, по которому осуществлялся контакт с божественными сферами⁶⁸. Мировое древо маркировало центр – точку развертывания мира из жертвы⁶⁹. В Ригведе Мировое древо сопоставляется с рожаящей женщиной, а из текста X.114.3 следует,

⁶¹ Литвинский Б.А. Семиреченские жертвенники (индоиранские истоки сакского культа огня) // Проблемы интерпретации памятников культуры Востока. М., 1991. С. 72, 80.

⁶² Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) // Пред., пер. и прим. В.С. Таскина. Вып. 2. М., 1973. С. 38; Зув Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы, 2002. С. 15.

⁶³ Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Пазырыкская узда. К предыстории хунно-юэчжийских войн // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. СПб, 1998. С. 169-171.

⁶⁴ Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья (I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.). М., 1996. С. 24-27, рис. 10, 20, 28-30.

⁶⁵ Байпаков К.М., Подушкин А.Н. Памятники земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана (I тыс. н.э.). Алма-Ата, 1989. С. 74-75, рис. 39, 40.

⁶⁶ Байпаков К.М., Терновоя Г.А. Анимистические представления горожан Южного Казахстана в средневековье. // Известия. Сер. общест. наук. №1 (219). Алматы, 1999. С. 92-102; Байпаков К.М., Терновоя Г.А. Религии и культы средневекового Казахстана (по материалам городища Куйрыктобе). Алматы, 2005. С. 139-145, 142.

⁶⁷ Левина Л.М. Этнокультурная история ... С. 28.

⁶⁸ Мкртычев Т.К. Ритуал возжигания огня в погребальном культе домусульманской Средней Азии (по материалам изобразительного искусства) // Городская среда и культура Бактрии-Тохаристана и Согда IV в. до н. э. – VIII в. н. э.). Тезисы докладов советско-французского colloquiuma. Самарканд 25-30 августа 1986 г. Ташкент, 1986. С. 66.

⁶⁹ Байбурун А.К. Жилище в обрядах ... С. 60.

что Мировое древо (опора солнца) служит воплощением женщины – богини-матери. В богине-матери сочетались функции смерти и возрождения. В древности похороны воспринимались как грядущее возрождение. Жертвенное погребение «пряхи» на Чоль-тобе было сделано в крестовидной постройке, недалеко от алтаря. Норны в скандинавской мифологии – низшие женские божества, определяющие судьбу людей при рождении, живут у источника Урд в корнях Мирового древа *Иггдрасиль*, которое они (по «Младшей Эдде») ежедневно опрыскивают влагой из источника⁷⁰.

Места для жертвенных погребений были выбраны не случайно. По словам В.Н. Топорова, жертвоприношение совершалось не только в максимально сакральном месте, но и максимально сакральной временной точке – на стыке старого и нового года, когда Хаос одолевал Космос. В это время происходит роковой поединок как «в начале», заканчивающийся победой космических сил и воссозданием нового (по образцу старого) мира. Высшей, сакральной считалась точка в пространстве и времени – «середина» мира, где стоит Мировое древо, и время творения, соотносимое с «началом» мира. Во временном плане ситуация «в начале» повторяется во время праздника, когда Солнце на стыке старого и нового года опишет свой годовой путь вокруг Мирового древа. Благополучие социума зависело от умения царя-жреца найти эту сакральную точку в пространстве и времени. Лишь найдя её, можно было определить место и время жертвоприношения и через него – всю структуру пространства, занимаемого данным коллективом, – алтарь, храм, поселение, его границы (четыре стороны света) и его временные координаты, отмечающие переход от старого года к новому. Именно в этой ситуации с особой последовательностью проявлялся свойственный мифопоэтическому мировоззрению «глобальный детерменизм», исходящий из тождества макро- и микрокосма, природы и человека⁷¹.

Местонахождение главного алтаря на Чольтобе – центр крестовидного сооружения. Там

находилась алтарная ниша со следами прокала, ориентированная на юг, на полу – прокаленные пятна глубиной 20 см и глубокие ямы для хранения золы. Прямоугольный комплекс, состоящий из 12-ти помещений, связан с солнечным годовым циклом вокруг Мирового древа. В центральном храмовом комплексе находилось погребение богини-«пряхи», от которой зависела жизнь и смерть людей. От центрального комплекса в сторону входа в *помещение VIII* тянулась связующая нить, объединяющая «душу» и «тело». В районе входа в это помещение было сделано погребение мужчины в «позе зародыша», ориентированного головой на восток. В этом же помещении на высоте 50 см от уровня пола была алтарная ниша в восточной стене с возвышением в виде конской подковы. В *помещении III* обнаружено захоронение мужчины головой на запад, у стены располагался жертвенник в виде «подковообразного» возвышения со следами прокала. Мужские погребения, как отмечалось выше, фиксировали точки «смерти» и «рождения» в связи с солнечным циклом.

На исследуемых объектах М.С. Мерциев проследил обряд перекрывания слоев золы прослойками глины. Подобные обрядовые действия с перекрыванием золы слоями глины, земли или песка отмечены на памятниках северо-восточной Ферганы, Бухарского оазиса. В Южном Казахстане – в храме на городище Куйрыктобе VII–VIII вв.⁷² Этот обряд связан с цикличностью возжигания огня⁷³.

В прямоугольном комплексе помещений так же возжигался ритуальный огонь, совершались обрядовые действия, о которых можно судить по сохранившимся атрибутам и остаткам костей животных. Наибольшее скопление золы – в восточном углу комплекса. М.С. Мерциев отметил своеобразие в оформлении юго-восточной башни, где был устроен сквозной сводчатый проем (ширина 45 см, высота 50 см) на уровне 65 см от пола, который соединял башню с *помещением V*. По аналогии с проемом между поме-

⁷⁰ Норны // Мифологический словарь. М., 1990. С. 396.

⁷¹ Топоров В.Н. Славянские комментарии... С. 13; Топоров В.Н. Древо мировое // Мифы народов мира. Т. 1. М., 1980. С. 404-405; Топоров В.Н. О структуре некоторых архаических текстов, соотносимых с концепцией «мирового древа» // Труды по знаковым системам. Т. 5. Тарту, 1971.

⁷² Козенкова В.И. Городище Гайрат-тепе // СА, 1964, № 3. С. 226, 236; Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб... С. 259; Терновая Г.А. Реконструкция некоторых обрядов по археологическим материалам городища Куйрыктобе (вторая половина VII – первая половина IX вв) // Известия МОН РК, НАН РК. Сер. Общ. наук. Алматы, 2000, №1(224). С. 169-182.

⁷³ Терновая Г.А. Реконструкция некоторых обрядов... С. 169-182.

щениями на Актобе-2 (I–IV вв.)⁷⁴ и юго-восточным проемом в куполе храма на городище Баба-Ата (VI–VIII вв.)⁷⁵, можно предположить, что в юго-восточной башне в определенное время года и суток возжигался огонь от лучей солнца.

Отверстия – вентиляционно-световые щели, расположенные довольно низко на одинаковом расстоянии друг от друга, находились на уровне пламени возжигаемых костров и, возможно, имитировали лучи солнца, выходящие наружу и заряжающие солнечным светом и энергией пространство, окружающее храмовый комплекс. Отверстия в западных стенах прямоугольного комплекса на Кызыл-Кайнар-тобе, расположенные с наклоном вниз во внешнюю сторону, вероятно, были сделаны для фиксации лучей заходящего солнца.

Возможно, вокруг стен Чоль-тобе шириной 1,8-1,95 м, расположенных по периметру, было сделано дополнительное укрепление. Так, город-крепость, построенный шаньюем Чжичжи за два года (38–36 гг. до н. э.) на р. Талас, имел «двойной деревянный частокол» перед «земляной стеной»⁷⁶.

В заключении можно отметить, что в целом храмовые комплексы Таласской долины, относящиеся к хуннскому периоду – IV–V вв., связаны с культом Солнца, огня. Из истории известно, что во главе государства хуннов стоял шаньюй, чья власть была наследственной и освященной божественным авторитетом. Его именовали «сыном Неба» и официально титуловали «Небом и Землей рожденный, Солнцем и Луной прославленный, великий гуннский шаньюй». На шаньюя была возложена сакральная власть и выполнение ритуально-магических функций. Он «утром выходил из ставки и совершал поклонения восходящему солнцу, а вечером совершал поклонение луне»⁷⁷. О культе предков свидетельствует керамическая фигурка идола, найденная на Чоль-тобе. Несмотря на связь с огнем, обряды, проводимые в храмовых комплексах Таласской долины, отличаются от восстановленных на син-

хронном памятнике Сеталак-1 в Бухарском оазисе. Прослеживается генетическая связь с сакскими погребальными сооружениями в области древних русел Сырдарьи, которые, по мнению Ю. А. Рапопорта, могли иметь солярное значение⁷⁸; с памятниками в районе Средней Сырдарьи (Актобе-2 и Актобе-1); с памятниками дзетыасарской и оттарско-каратауской культур.

Резюме

Мақалада Талас өзенінің орта ағысы ауданында орналасқан Шөлтөбе және Қызылқайнар-тобеден ашылған (IV–V ғғ.) ғұрыптық нысандарды талдау ұсынылған. Ескерткіштегі қазба жұмыстар 1963–1968 жж. М. С. Мершиевтің жетекшілігімен жүргізілген. Осының зерттелу тарихы қарастырылған. Археологиялық жұмыстардың нәтижесі бойынша жобасында крест түріндегі ескерткішке синхронды және өткен уақытқа талдау жасалған. Ескерткіште орталықтанған композициядағы құрылыстық белгілер, өзіндік үйлесімдегі дөңгелек, төртбұрыш және крест бар. Жобасында хионит уақытындағы Бұқара оазисі мен Ферғана ескерткіштеріне ұқсастығы белгіленді. Дегенмен, Талас өңіріндегі ғұрыптық кешендерде қалыптасқан дәстүрде өзіндік айырмашылықтар бар. Жетіасар және Отырар-Қаратау мәдениеттерінің ескерткіштерімен ұқсастығы жатыр. Жалпы храмдық кешен күнге, отқа табынумен байланысты.

Summary

The theoretical interpretation of cultic objects, located at the monuments of Chol-tobe and Kzyl-Kainar-tobe (IV–V centuries AD) is offered in the article. Revised monuments is located in the area of average current of Talas River. The archaeological excavation of monuments were carried out in 1963–1968 under M. S. Mershchiev's management. The history of studying of a scientific question is considered. By results of archeological works the analysis of monuments with a cross lay-out plan of architecture of synchronous and previous time is made. Monuments have attributes of constructions of the centre architecture compositions, combining a circle, a square and a cross. Similarity of a lay-out to monuments of architecture in Bukhara oasis and in Fergana of the Khionites time is marked. However the rituals that restored on cult complexes of Talas valley, has essential differences. Also traced analogies with the cult monuments that belonged to Dzhetysayar and Otrar-karatau archaeological cultures. In general temple complexes are connected with a cult of the sun, fire.

⁷⁴ Терновая Г.А. О культовом значении построек...

⁷⁵ Терновая Г.А. К вопросу о храмовой архитектуре и обрядовой практике жителей Южного Казахстана (храм VI–VIII вв. на катадеги городища Баба-Ата) // Известия НАН РК, сер. обществ. наук, 2007, № 1. С. 198-213.

⁷⁶ Материалы по истории сюнну... С. 129.

⁷⁷ Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2004. С. 65,70-71.

⁷⁸ Лутвинский Б.А. Древние кочевники "Крыши мира". М., 1972. С. 150; Рапопорт У.А. Some aspects of the evolution of Zoroastrian funeral rites (according to archaeological finds) // Международный конгресс востоковедов. Т. III. М., 1963. С. 130-131.